

И.В. Стефанчиков (Москва, Россия)

Африканские языки на территории Уругвая: исторический контекст

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о появлении на территории Уругвая африканских языков, их составе и выходе из употребления. Присутствие африканского элемента в уругвайской демографической и культурной панораме было осознано и получило признание достаточно давно, однако лишь в последние годы внимание лингвистов по-настоящему привлек вопрос о месте африканских идиомов в языковой истории Уругвая, а также проблема их влияния на уругвайский вариант испанского языка. Настоящая статья содержит краткий обзор имеющейся литературы по теме и известных сведений о бытовании африканских языков на территории Уругвая в XVII – начале XX в. Кроме того, в работе перечислены лексические африканизмы, зафиксированные в наиболее авторитетном словаре испанского языка Уругвая – *Diccionario del español del Uruguay*.

Ключевые слова: испанский язык, Латинская Америка, Уругвай, африканские языки

I.V. Stefanchikov (Moscow, Russia)

African Languages in Uruguay: A Historical Outline

Abstract: The paper examines the issue of the emergence and composition of African languages and their decline in Uruguay. The presence of the African element in the Uruguayan demographic and cultural panorama has been recognized for a long time, but only in recent years has the attention of linguists really been drawn to the question of the African component in the linguistic history of Uruguay, as well as the problem of the African influence on the Uruguayan Spanish. This article contains a brief overview of the literature on the topic and known information about the existence of African languages on the territory of Uruguay in the 17th – early 20th centuries.

Key words: Spanish, Latin America, Uruguay, Languages of Africa

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В последние годы проблема африканского наследия в культурном и языковом ландшафте Уругвая все чаще привлекает внимание филологов-латиноамериканистов. Это, с одной стороны, часть вошедшего в моду тренда на рассмотрение вопросов, связанных с меньшинствами (minorities), а также свидетельство преодоления стереотипного представления об Уругвае как об исключительно или почти полностью «белой» стране [Frega 2004: 45], с другой – логичное продолжение работы таких исследователей, как Херман де Гранда¹, Джон Липски², Армин Шwegлер³, изучавших влияние африканских языков на испанский язык Экваториальной Гвинеи и на латиноамериканские варианты испанского, а также феномен креольских языков на испанской основе.

Действительно, в отличие от большинства других стран Латинской Америки, в демографической структуре которых большой вес имеет индейский и/или африканский элемент, актуальный расово-этнический состав населения Уругвая сложился прежде всего на основе массовой иммиграции из европейских стран во второй половине XIX – первой половине XX в. Во многом именно благодаря притоку переселенцев из Европы население Уругвая с 1825 по 1950 г. выросло в 32 раза [Pi Hugarte, Vidart 1969: 13].

Современная языковая ситуация согласуется с историко-демографическими тенденциями: 1) практически 100% населения страны являются носителями испанского языка; 2) в приграничных с Бразилией зонах наблюдается ситуация языковой диглоссии (испанский и особые разновидности португальского языка, т. н. портуньол); 3) имеются немногочисленные группы носителей других европейских языков; 4) индейские и африканские языки отсутствуют в современном языковом ландшафте Уругвая; считается, что они окончательно вышли из употребления на территории страны в XIX–XX вв.

Тем не менее, по данным переписи населения 2011 г., 8,1% населения страны заявили о наличии африканских корней (в департаментах Ривера и Артигас этот показатель достигает 17,3% и 17,1% соответственно)⁴. В наши дни интерес к африканским элементам уругвайской культуры заметно возрос, что проявилось, в частности, во включении в 2009 г. в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО от Уругвая феномена кандомбе – традиционного танца и связанного с ним набора социокультурных практик, имеющих африканское происхождение и играющих заметную роль в культурной жизни страны.

Кроме того, с начала XXI в. вышел целый ряд фундаментальных работ, посвященных вопросам работоторговли в Уругвае, культуре афроуругвайцев (завезенных

¹ Некоторые из наиболее важных работ по теме: *Granda G. de. Estudios lingüísticos hispánicos, afro-hispánicos y criollos. Madrid, 1978; Granda G. de. El español en tres mundos: retenciones y contactos lingüísticos en América y África. Valladolid, 1991; Granda G. de. Español de América, español de África y hablas criollas hispánicas: cambios, contactos y contextos. Madrid, 1994.*

² Некоторые из работ: *Lipski J.M. Contactos hispanoafrikanos el español ecuatoguineano y su importancia para la dialectología hispanoamericana // Anuario de Letras. 1985. Vol. 23. Págs. 99–130; Lipski J.M. The Speech of the Negro Congos of Panama: a Vestigial Afro-Hispanic Creole. Amsterdam, 1989; Lipski J.M. A History of Afro-Hispanic Language: Five Centuries, Five Continents. Cambridge, 2005; Lipski J.M. Afro-Bolivian Spanish. Frankfurt; Madrid, 2008.*

³ Некоторые из работ: *Schwegler A. Rasgos (afro-)portugueses en el criollo del Palenque de San Basilio (Colombia) // Homenaje a José Pérez Vidal. La Laguna, 1993. Págs. 667–696; Schwegler A. Lenguas criollas en Hispanoamérica y la contribución africana al español de América // Signo y seña. 1996. №6. Págs. 295–346; Palenque, Cartagena y Afro-Caribe: historia y lengua / A. Schwegler, Y. Moñino (coords.). Tübingen, 2002.*

⁴ Официальные данные переписи населения 2011 г.: www.gub.uy/ministerio-desarrollo-social/indicador/distribucion-porcentual-personas-afrodescendientes-segun-departamento-censo-2011

в Уругвай рабов из Африки и их потомков) и особенностям интеграции лиц африканского происхождения в уругвайское общество. Наиболее важными можно считать исследование Артуро Бентанкура и Фернандо Апарисио¹, книгу Джорда Рейда Эндрюса² и докторскую диссертацию Алекса Боруки³.

Собственно филологические работы на афроуругвайскую тему можно условно поделить по рассматриваемой проблематике на три основных группы:

1) африканские языки на территории современного Уругвая в XVII–XIX вв., вопрос их сосуществования друг с другом, испанским и португальским языками, а также выхода из употребления; эти проблемы так или иначе затрагиваются во многих работах;

2) особенности речи афроуругвайцев и ее репрезентации в художественной литературе, прессе и прочих письменных источниках; здесь выделяется книга Магдалены Коль, целиком посвященная рассмотрению именно этих вопросов⁴, а также несколько статей, заложивших принципы работы с соответствующими источниками⁵;

3) лексические заимствования из африканских языков в уругвайском варианте испанского языка, трактовка африканизмов в лексикографической традиции Уругвая и региона Рио-де-ла-Плата в целом; целый ряд статей М. Коль и Лауры Альварес Лопес⁶ и сборник под их совместной редакцией, в который вошли статьи по всем трем выделенным здесь тематическим группам⁷.

В отечественной лингвистике вопрос о африканизмах в уругвайском варианте испанского языка фактически не поднимался⁸.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Вероятно, первые уроженцы Африки, ступившие на территорию современного Уругвая, прибыли в составе экспедиции Хуана Диаса де Солиса, открывшей эти земли от имени испанской короны в 1516 г. [Coll 2010: 18]. Однако освоение Восточного берега (Banda Oriental, колониальное название территории будущего Уругвая) проходило медленно и носило сравнительно поздний характер, поэто-

¹ Bentancur A., Aparicio F. Amos y esclavos en el Río de la Plata. Montevideo, 2006.

² Оригинал: Andrews G.R. Blackness in the White Nation: A History of Afro-Uruguay. Chapel Hill, 2010. Изд. на исп. языке: Andrews G.R. Negros en la nación blanca: historia de los afro-uruguayos, 1830–2010. Montevideo, 2011.

³ Borucki A. From Shipmates to Soldiers: Emerging Black Identities in Montevideo, 1770–1850. PhD Thesis. Atlanta, 2011: etd.library.emory.edu/concern/etds/8s45q898m

⁴ Coll M. El habla de los esclavos africanos y sus descendientes en Montevideo en los siglos XVIII y XIX: representación y realidad. Montevideo, 2010.

⁵ Álvarez López L. Un breve ejemplo del mundo afrolatino: ¿así hablaban los afrouuguayos? // Moderna Språk. 2007. Vol. 101. № 1. P. 73–89; Coll M. Derroteros de la «lengua bozal» en Montevideo en el siglo XIX: el «Canto patriótico de los negros...» de F. Acuña de Figueroa y otros escritos // Encuentros Uruguayos. 2012. Vol. 5. № 1. Págs. 251–277; Álvarez López L. «Canto patriótico de los negros»: registro de una práctica lingüística afrouuguayaya // Revista de la ANL. 2019. Vol. 4. № 6–7. Págs. 137–166.

⁶ В частности: Coll M. Léxico de origen indígena y africano en dos escritores montevidianos de principios del siglo XIX: la mirada de José M. Pérez Castellano y Dámaso A. Larrañaga // Stockholm Review of Latin American Studies. 2012. № 8. P. 49–64; Álvarez López L., Coll M. Registers of African-derived lexicon in Uruguay: etymologies, demography and semantic change // Zeitschrift für romanische Philologie. 2019. Vol. 135. Issue 1. P. 223–255.

⁷ Una historia sin fronteras: léxico de origen africano en Uruguay y Brasil / L. Álvarez López, M. Coll (eds.). Estocolmo, 2012.

⁸ За исключением кандидатской диссертации, посвященной рассмотрению лексических особенностей уругвайского варианта испанского языка на материале корпуса текстов XVIII–XIX вв.: Стефанчиков И.В. Особенности формирования лексического фонда уругвайского варианта испанского языка в XVIII–XIX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.

му появление здесь первых постоянных темнокожих поселенцев-рабов, скорее, относится к XVII в., причем единого мнения по вопросу о конкретной датировке не существует. Наиболее поздняя из вероятных – 1680 г., когда португальцы основали на юге современного Уругвая крепость Колония-до-Сакраменто [Montaño 2008: 107]. Роль Португалии, а позднее и Бразилии в региональной работорговле и контрабанде останется ключевой и в дальнейшем.

Испанская корона, заинтересованная в том, чтобы установить контроль над эстуарием Рио-де-ла-Плата, в 1724 г. заложила на его берегу собственную крепость, Монтевидео (будущую столицу независимой страны). В новом городе сразу же появилось подневольное африканское население, и при небольшом собственном населении региона негритянский элемент в колониальный период составлял значительный процент от общего числа жителей. После того, как в 1743 г. был официально допущен ввоз рабов в Монтевидео по специальным лицензиям, уже к 1770 г. они составляли до четверти населения города (индейцы, для сравнения, не более 1–2%) [Pollero 2013: 315]. С введением свободной торговли рабами (1789) и наделением порта Монтевидео исключительным правом на ввоз африканских невольников в Рио-де-ла-Плату, Чили и Перу (1791) работорговля стала одним из столпов городской экономики [Beraza 1968: 173].

В дальнейшем процент темнокожего населения продолжил расти, и в последние два десятилетия колониальной эпохи и эпоху войн за независимость оставался стабильно высоким, достигнув пика в самом начале XIX в.: 30,3% от общей численности населения Монтевидео в 1791 г., около 35% в 1803 г., 29,9% в 1810 г. В эпоху войн за независимость и португальско-бразильской оккупации этот процент незначительно снизился (25,4% в 1819 г.); тем не менее, по оценкам исследователей, в этот период до 45% домохозяйств имели как минимум одного раба [Bertolotti, Coll 2014: 125].

В последующие десятилетия, однако, доля африканского населения пошла на убыль (15,1% в 1829 г., 13,9% в 1843 г. [там же: 126]), чему способствовало, с одной стороны, его активное использование в качестве «пушечного мяса» в многочисленных военных конфликтах и гражданских войнах (в частности, в т. н. Великой войне 1839–1851), а с другой – после серии ограничительных мер в отношении работорговли и рабовладения в 1813–1846 гг. и окончательной отмены рабства в 1862 г. – перепродажа в Бразилию, где рабство официально просуществовало до 1888 г. [Pi Hugarte, Vidart 1969: 24–25].

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ АФРОУРУГВАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Сведения о происхождении контингентов рабов, ввозившихся из Африки на территорию современного Уругвая, как правило, обрывочны или противоречивы. Зачастую в качестве места происхождения того или иного раба указывалось не место рождения, но порт покупки, а невольники разной этноплеменной принадлежности могли записываться под общим этнонимом [Coll 2010: 19]. Тем не менее исследователи сходятся в мнении о преобладании в общем потоке народов банту.

Завоз рабов в Уругвай в основном производился не напрямую с африканского континента, но из бразильских портов Рио-де-Жанейро и Сальвадор – крупных центров работорговли [Woguski 2011: 58]. Первый в основном вел торговлю с портами Луанда и Бенгела (современная Ангола), второй – с портами Бенинского залива (побережье современных Бенина, Того, Нигерии) [там же: 66]. Основная

линия прямой торговли между регионом Рио-де-ла-Плата и Африкой проходила между Монтевидео и Буэнос-Айресом с одной стороны и Мозамбиком с другой – это третий регион происхождения афроуругвайского населения. Отдельный поток составляли рабы-беглецы, бежавшие в Уругвай из все той же Бразилии [там же: 116]. Оскар Монтаньо в своем исследовании приводит следующие цифры: 64 % невольников, ввезенных в Уругвай, принадлежали к народностям банту, прежде всего к народу конго (баконго); 32,5 % – к народностям региона Западный Судан: йоруба, фон, ашанти и др. [Montaño 2008: 293–294].

Таким образом, подавляющее большинство ввозимых рабов являлось носителями языков, входящих в нигеро-конголезскую макросемью. Согласно Л. Альварес Лопес, опирающейся на данные переписи населения Монтевидео от 1812 г., около трех четвертей (76 %) говорило на языках банту, принадлежащих к бенуэ-конголезской семье, прежде всего на конго (киконго), северном мбунду (кимбунду) и южном мбунду (умбунду). Еще 22 % говорили на языках гбе, относящихся к вольта-нигерской (или западной бенуэ-конголезской) семье [Álvarez López 2012: 62–65]. Подобное преобладание языков банту согласуется с этимологическим анализом лексических африканизмов в уругвайском варианте испанского языка, среди которых превалируют заимствования из северного мбунду (подробнее см. ниже).

В протоколе судебного заседания начала XIX в. содержится любопытное свидетельство языкового разнообразия, характерного для афроуругвайского сообщества эпохи: за невозможностью понять речь подсудимого суд был вынужден прибегнуть к услугам нескольких африканцев, которые попытались (безуспешно) обратиться к нему на семи разных языках Африки («congo, banguela, casanche, mina y otras varias lenguas» [Coll 2010: 38]): это конго (киконго), ген (мина; один из языков гбе), а также другие, вероятно, ангольские языки или наречия и еще «несколько других».

Кроме того, Альварес Лопес предполагает, что некоторые африканцы могли говорить сразу на нескольких африканских языках (подобно тому, как это происходит и сегодня) [Álvarez López 2012: 59]. Наконец, существуют и свидетельства освоения африканским населением индейских языков, в частности гуарани [Coll 2010: 32].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ АФРИКИ И ВЫХОД ПОСЛЕДНИХ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Африканское языковое разнообразие не только осознавалось работоторговцами и рабовладельцами, но и использовалось ими в своих целях. Сознательной политикой было разлучение невольников, происходивших из одной местности, и, напротив, объединение в рамках одной группы носителей разных, взаимно непонятных языков для затруднения консолидации рабов и во избежание эксцессов, подобных Гаитянской революции [Bertolotti, Coll 2014: 150]. Подобные меры имели и чисто лингвистический эффект, затрудняя внутригрупповую коммуникацию на африканских языках и тем самым их сохранение.

Кроме того, объем хозяйств плантационного типа на территории Уругвая, в отличие от других регионов Латинской Америки, был незначительным (преобладало животноводство), что не вызывало потребности в массовом завозе рабов для применения в сельском хозяйстве [Степанов 1979: 96]. Африканцы в основном жили в городах, прежде всего Монтевидео, и использовались в качестве домашней прислуги (нередко проживая в одном доме с хозяевами [Pereda Valdéz 1965:

69]) или рабочей силы: в качестве водовозов, золотарей, грузчиков, глашатаев и др. [Pérez Valdés 1965: 92]. С началом XIX в. темнокожие стали активно привлекаться к военному делу [Coll 2010: 24]. Во многом этой целью были продиктованы государственные меры, направленные на освобождение рабов [Иванов 2011: 62].

Подобные способы взаимодействия испаноязычного и африканоязычного населения, не создававшие жесткой расовой сегрегации и/или языковой изоляции, способствовали быстрой лингвистической ассимиляции негров и мулатов и их переходу на испанский язык (упрощавшийся тем, что рабы, прибывавшие в Монтевидео, как правило, уже владели азами португальского) [Coll 2010: 31]. Этот переход, особенно среди афроуругвайцев, живших в семьях высокого социально-экономического статуса, наблюдался уже во втором поколении (детей негров-босалей¹), часть рабов даже обучалась грамоте [там же: 29]. Школьное образование, начавшее особенно быстро распространяться с учреждением системы государственных начальных школ в 1870-х [Ороño 2021: 28–48], также велось на испанском. Все это способствовало выходу африканских языков из употребления, с сохранением в речи афроуругвайского населения лишь отдельных, прежде всего лексических, африканизмов [Coll 2010: 29].

Вопрос о датировке окончательного выхода из употребления языков Африки остается открытым; имеются свидетельства о том, что они еще в начале XX в. использовались на заседаниях этнических ассоциаций (т. н. *Salas de Naciones*) [Rodríguez 2006: 54]. Так или иначе, африканский элемент сохранился не только в качестве важной составляющей уругвайской культуры, но испанского языка Уругвая.

«АФРИКАНСКИЙ СЛЕД»

В УРУГВАЙСКОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о вкладе языков Африки в лексический состав уругвайского варианта испанского языка привлек внимание лексикографов и исследователей уже в XIX в. Отдельные слова с указанием на их африканское происхождение содержатся в *Vocabulario rioplatense razonado* (1889–1890) Даниэля Гранады и неизданном словаре *Lenguaje del Río de la Plata*, составленном с 1885 по 1947 г. Вашингтоном и Серхио Бермудесами.

У истоков специальных исследований, посвященных вопросу лексических африканизмов в испанском языке Уругвая, стояли Ильдефонсо Переда Вальдес и Роландо Лагуарда Триас. Первый в 1937 г. опубликовал эссе, посвященное влиянию африканских языков на испанский язык региона Рио-де-ла-Плата, сопроводив его глоссарием лексики африканского происхождения из 41 слова [Pereda Valdés 1937: 72–78], а позднее, в исследовании *El negro en el Uruguay: pasado y presente* (1965), уточнил список, заменив некоторые лексемы и оставив в нем 40 единиц [Pereda Valdés 1965: 181–185]. Р. Лагуарда Триас в своей книге *Afronegrismos rioplatenses* (1969), основываясь на анализе художественных произведений уругвайских авторов XIX–XX вв., идентифицировал как африканизм 41 лексему [Laguarda Trías 1969: 45–100]. Весьма интересно также его наблюдение о влиянии африканских языков на состав продуктивных суффиксов в латиноамериканских вариантах испанского языка (в частности, упоминаются суффиксы *-ongo-* (*-onga-*), *-ungo-*, (*-unga-*), *-embo-*, *-imbo-* (*-imba-*); см. ниже слово *matungo*. – И.С.) [Laguarda Trías 1969: 104].

¹ *Negro bozal* – понятие, использовавшееся в испанских колониях для обозначения новоприбывшего африканского раба-«новичка», не говорившего на испанском вовсе или владевшего им плохо. Негр, в достаточной степени освоивший испанский язык, обозначался термином *negro ladino* [Lipski 1997: 298].

В исследовании, обобщающем и уточняющем информацию об африканизмах, содержащуюся в работах двух упомянутых выше авторов, с учетом обновленных сведений и данных словарей нескольких африканских языков, Л. Альварес Лопес и М. Коль рассматривают 82 потенциальных заимствования на предмет их этимологии [Álvarez López, Coll 2019: 223–255]. Для 63 из них была установлена однозначная или возможная связь с африканскими этимонами (в 59 случаях – из языков банту, в 4 – из других африканских). Более двух третей из всех проанализированных слов так или иначе относится к лексико-семантическим полям «человек» и/или «социальное поведение» [там же: 241–242].

Наконец, наиболее авторитетный современный словарь уругвайизмов, Словарь испанского языка Уругвая (*Diccionario del español del Uruguay*), изданный в 2011 г. Уругвайской академией языка, содержит по меньшей мере 16 слов, для которых приводится африканская этимология (у некоторых через посредство португальского) [ANL 2011].

Преобладают заимствования из кимбунду (северного мбунду) – 9 лексем, не считая производных и слов смешанной этимологии:

cachimba (от кимб. kixima);

canyengue (от кимб. ka + ngenge) и производные от него canyenguear, canyenguero, -a;

lubolo, -a (от кимб. Lubolo);

mucamo, -a (от кимб. mukama);

muleque (от кимб. muleke);

muyinga (от кимб. muxinga);

quibebe (от кимб. ki-bembé через порт. quibebe);

quilombo (от кимб. quilombo) и производные от него quilombear, quilombero, -a;

quitanda (от кимб. quitanda через порт. quitanda) и производное от него quitandera.

Слова смешанной этимологии:

matungo (от исп. matalón и кимб. -ungo) и производные от него matungada, maturrango, -a;

cachiquenga / cachiquengue (от кеч. cachi и кимб. kenga) – композит, объединяющий корни индейского и африканского происхождения.

Еще для 5 лексем (без учета производных) указано бантуское происхождение без указания конкретного языка-источника:

candomblé (от бант. kandómbilé через порт. candomblé);

catanga (от бант. catanga);

curiango (от бант. kurianka через порт. curiango);

kikuyu / kikuyu (от бант. kikuyu [?]);

yimbo (от бант. jimbo).

При этом в словаре не приведена этимология для лексемы *candombe*, имеющей, очевидно (по смысловому содержанию и фонетическому облику – ср. упомянутое выше *candomblé*), африканское происхождение и давшей несколько производных лексем: *candombaile* (*candombe* + исп. *baile*), *candombear*, *candombero*, -a. Предположительно африканскую этимологию может также иметь лексема *macumba* (от порт. *macumba*) и производное *macumbero*, -a.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то что в последние годы вопрос об африканском наследии в языковом ландшафте Уругвая и уругвайском варианте испанского языка оказался в центре внимания уругвайцев, это направление по-прежнему является недостаточно разработанным и весьма перспективным для научных исследований. Так, не всегда полной и в отдельных случаях, как было указано выше, нуждающейся в уточнении представляется этимологическая информация об африканизмах, содержащаяся в академическом словаре уругвайизмов. Остаются малоизученными многие материалы из корпуса периодической прессы *Publicaciones periódicas del Uruguay* (anaforas.fic.edu.uy), в частности тексты, публиковавшиеся в печатных изданиях афроуругвайской общины. Наконец, нуждаются в дальнейшем уточнении представления о самом наборе африканских языков, некогда бытовавших на территории Уругвая, и о хронологии их выхода из употребления.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Иванов Н.С. «Если есть на свете рай...»: Очерки истории Уругвая. СПб.: Алетейя, 2021. 454 с. / Ivanov N.S. (2021) “If There’s Heaven on Earth...”: Essays on the History of Uruguay. St. Petersburg. Aletheya Publ. 454 p. (In Russ.)

Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. М.: Наука, 1979. 327 с. / Stepanov G.V. (1979) On the Problem of Linguistic Variation: Spanish in Spain and America. Moscow. Nauka Publ. 327 p. (In Russ.)

Álvarez López L. Lubolos, mandingas y otros “nombres de nación” de origen africano en Montevideo y Rio Grande do Sul. En: Una historia sin fronteras: léxico de origen africano en Uruguay y Brasil / L. Álvarez López y M. Coll (eds.). Estocolmo: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2012, pp. 35–70.

Álvarez López L., Coll M. Registers of African-derived Lexicon in Uruguay: Etymologies, Demography and Semantic Change. *Zeitschrift für romanische Philologie*. 2019. Vol. 135(1), pp. 223–255.

Academia Nacional de Letras de Uruguay [ANL]. Diccionario del español del Uruguay. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2011. 574 p.

Beraza A. Amos y esclavos. *Enciclopedia uruguaya*. 1968. Vol. I. No 9, pp. 161–180.

Bertolotti V., Coll M. (2014) Retrato lingüístico del Uruguay. Un enfoque histórico sobre las lenguas. Montevideo. UDELAR. 159 p.

Borucki A. (2011) From Shipmates to Soldiers: Emerging Black Identities in Montevideo, 1770–1850L: PhD Thesis. Atlanta. Emory University. 376 p.: etd.library.emory.edu/concern/etds/8s45q898m (date accessed: 22.11.2023).

Coll M. (2010) El habla de los esclavos africanos y sus descendientes en Montevideo en los siglos XVIII y XIX: representación y realidad. Montevideo. Academia Nacional de Letras. 159 p.

Frega A. Caminos de libertad en tiempos de revolución. Los esclavos en la Provincia Oriental Artiguista, 1815–1820. En: Bentancur A., Borucki A., Frega A. (comps.) Seminario Estudios sobre la Cultura Afro-Rioplatense. Historia y Presente. Montevideo. UDELAR, 2004, pp. 29–57.

Laguarda Trías A. Afronegrismos rioplatenses. *Separata del Boletín de la RAE*. 1969. Vol. XLIX: CLXXXVI, pp. 27–116.

Lipski J. El español bozal. En: América negra: panorámica actual de los estudios lingüísticos sobre variedades criollas y afrohispanas / A. Schwegler y M. Perl (eds.). Fráncfort. Vervuert. 1997, pp. 293–327.

Montaño O. (2008) Historia afrouruguaya. Vol. I. Montevideo. Mastergraf. 522 p.

Oroño M. Políticas lingüísticas y contacto de lenguas: la escuela vareliana en la nacionalización de inmigrantes en el Uruguay de fines del siglo XIX. *Revista Digital de Políticas Lingüísticas*. 2021. Vol. 15, pp. 28–48.

Pi Hugarte R., Vidart D. El legado de los inmigrantes: I. *Nuestra Tierra*. 1969. No 29, pp. 1–20.

Pereda Valdés I. (1965) El negro en el Uruguay: pasado y presente. Montevideo. Instituto Histórico y Geográfico del Uruguay. 300 p.

Pereda Valdés I. (1937) El negro rioplatense y otros ensayos. Montevideo. C. García. 138 p.

Pollero R. (2013) Historia demográfica de Montevideo y su campaña, 1757–1860: Tesis de doctorado. Montevideo. UDELAR. 584 p.

Rodríguez R.J. (2006) Mbundo. Malungo a mundele. Historia del movimiento afrouruguayo y sus alternativas de desarrollo. Montevideo. Rosebud. 247 p.

Сведения об авторе:

Игорь Вячеславович Стефанчиков,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Stefanchikov,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
i@stefanchikov.ru